

Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации

В.В. Красных

Ключевые слова: конгломерация, дифференциация, идентификация, легитимация, культурная (само)идентификация

В статье рассматриваются феномены культуры, культурной памяти и лингвокультуры и их основные функции: конгломерация, дифференциация, идентификация, легитимация. Анализируется роль данных функций в культурной идентификации (личности или феномена) и самоидентификации. Кратко представлены возможные аспекты рассмотрения культурной идентификации и самоидентификации.

Совершенно очевидно, что культура, культурная память и лингвокультура существуют не сами по себе в безвоздушном пространстве вселенной, но принадлежат «вторичному» тварному миру – космосу человека, и именно человек является их носителем-представителем, их творцом и их творением. И если так, то начинать разговор на заявленную тему, вероятно, следует с утверждения о том, что сегодня с позиций интегративных исследований человек рассматривается как неотъемлемая составляющая сложного, многокомпонентного, многомерного, неразрывного и одновременно неслиянного единства «ЯЗЫК – СОЗНАНИЕ – КУЛЬТУРА – ЧЕЛОВЕК – КОММУНИКАЦИЯ – СООБЩЕСТВО», находящегося в фокусе внимания многих наук (филологии, социологии, политологии, социальной и культурантропологии и т. д.). При таком подходе в рамках филологии человек-личность предстает как *ЧЕЛОВЕК ГОВОРЯЩИЙ – НОМО LOQUENS*, который может быть определен как носитель сознания, полноправный член сообщества, как личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность (в широком смысле данного термина: говорение – слушание – чтение – письмо, а также осмысление, необходимо требующее участия языка). Как известно, чтобы стать личностью, необходимо пройти процесс социализации, т. е. освоить, усвоить и присвоить (интериоризовать) достижения культуры, созданные предшествующими поколениями. Таким образом, основным содержанием процесса социализации является межпоколенная трансляция *КУЛЬТУРЫ* (ее ценностей, оценок, установок, традиций, предпочтений, запретов и под.). Основным (но не единственным) каналом, посредством которого это происходит, и основным (опять же не единственным) инструментом формирования личности как члена сообщества является *ЯЗЫК*. Происходить социализация может только в *КОММУНИКАЦИИ*, ибо коммуникация – это одновременно среда, канал и средство-способ «жития» и трансляции самой культуры. Без коммуникации человек не может стать личностью, и именно в коммуникации человек живет как личность. Помимо этого, коммуникация – это канал и способ, посредством которого *СООБЩЕСТВО* себя являет, транслирует и трансформирует. Результатом социализации является личность, человек говорящий, носитель сознания. *СОЗНАНИЕ* (при этом, по А.Н. Леонтьеву, «индивидуальное сознание человека возможно лишь в условиях существования сознания общественного» [7: 283]) всегда культурно маркировано и культурозависимо, ибо формируется в процессе социализации, в условиях определенной культуры, в пределах определенных сообществ (от семейного до национально-лингво-культурного). Иначе говоря, *ЧЕЛОВЕК ГОВОРЯЩИЙ формируется как личность, как носитель СОЗНАНИЯ, как полноправный член некоторого СООБЩЕСТВА* (некоторых сообществ) *именно в КОММУНИКАЦИИ, впитывая в себя КУЛЬТУРУ данного сообщества с помощью* (в том числе) *ЯЗЫКА данного сообщества*. Следовательно, можно утверждать, что человек говорящий есть *объект* (творение) языка, культуры, коммуникации. Однако социализованная личность не есть раз и навсегда застывшая данность: чело-

век-личность постоянно претерпевает определенные изменения в процессе бесконечного накопления прижизненного опыта и под влиянием множества факторов: от событий сугубо личной жизни до изменений общего историко-социо-культурного контекста.

Далее, человек (по В. фон Гумбольдту) не только «сплетает язык внутри себя» в процессе (в первую очередь) социализации, но и «вплетает себя в язык» на протяжении всей своей жизни. Как уже неоднократно говорилось разными исследователями, язык связан с культурой отношениями двунаправленной зависимости, которая предполагает взаимодействие, взаимовлияние и взаимообусловленность языка и культуры: как культура не может существовать без языка, так и язык немислим вне культуры. Так, например, Э. Сепир, не признавая настоящей причинной зависимости между культурой и языком, считал, что содержание всякой культуры может быть выражено с помощью ее языка и что содержание языка неразрывно связано с культурой (которая понимается им как «ценностный отбор, осуществляемый обществом», «отобранный инвентарь опыта», что соотносимо с пониманием культуры и культурной памяти по Ю.М. Лотману [9, 10]). И если язык, как писал Э. Сепир, «есть то, как думают», то «культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает» [11: 42, 185, 193-194, 226]. Это утверждение вполне распространимо и на человека – члена сообщества. И поскольку человек говорящий в процессе своей жизни постоянно осуществляет какую-либо деятельность, т. е. все время что-то «думает», «делает» и «говорит» (даже если внешне кажется, что он ничего не делает), то мы можем смело утверждать, что *язык и культура тесно сплетены в самом человеке и всегда стоят за любым проявлением его жизнедеятельности*. Кроме того, деятельность человека (и, соответственно, сама личность) всегда включена в общение, даже тогда, когда внешне человек остается один [8: 14]. Это значит, что жизнедеятельность человека, в которой обязательно проявляются сознание, язык и культура, протекает в рамках некоторого сообщества в условиях именно коммуникации и именно в коммуникации и через коммуникацию осуществляется. Таким образом, *ЧЕЛОВЕК ГОВОРЯЩИЙ*, будучи *носителем СОЗНАНИЯ* и находящийся в *непрерывном процессе КОММУНИКАЦИИ в рамках некоторого СООБЩЕСТВА*, «сплетающий внутри себя» *ЯЗЫК и КУЛЬТУРУ* и «вплетающий себя» в *ЯЗЫК и КУЛЬТУРУ*, оказывается не только объектом, но и *субъектом* (творцом) языка, культуры, коммуникации.

Итак, мы получили сложную фигуру-многогранник, в центр которой может быть поставлен *ЧЕЛОВЕК ГОВОРЯЩИЙ* (осуществляющий речевую деятельность носитель сознания, представитель разных сообществ), а ее вершины / грани (в данном случае зависит от ракурса) представлены взаимосвязанными и взаимодействующими феноменами: *ЯЗЫК* (того сообщества / тех сообществ, членом которого / которых является человек) – *СОЗНАНИЕ* (формируемое в процессе коммуникации, протекающей в рамках некоторого сообщества, в условиях некоторой культуры и осуществляемой на некотором языке) – *КУЛЬТУРА* (ни одно сообщество без культуры немислимо) – *КОММУНИКАЦИЯ* (в которой принадлежность человека тому или иному сообществу, с одной стороны, формируется, с другой – проявляется) – *СООБЩЕСТВО* (от семейного до национально-лингво-культурного).

После данного общего вступления представляется возможным перейти к рассмотрению важнейших понятий, находящихся в фокусе нашего внимания.

В рамках разрабатываемого подхода *КУЛЬТУРА* понимается (вслед за В.Н. Телия) как «мировидение и миропонимание, обладающее семиотической природой» [12: 222], т. е. как *мировидение, мироощущение и миропонимание некоторого сообщества* (применительно к России – национально-лингво-культурного). Иначе говоря, культура предстает как обладающая семиотической природой совокупность представлений (в самом широком смысле), в которых так или иначе отражается и закрепляется то, как представители данного сообщества видят, ощущают, оценивают, осознают, понимают, интерпретируют, объясняют (в первую очередь для себя) окружающий их мир. Эта совокуп-

ность обладает способностью, с одной стороны, *трансформироваться и изменяться*, с другой – *воспроизводиться и сохраняться*. В любом случае она поддается транслированию как синхронно (между современниками, живущими и общающимися «здесь и сейчас» с точки зрения исторической перспективы; «горизонтальная» трансляция), так и диахронно (не только непосредственно межпоколенно – от одного поколения другому, но и по цепочке поколений, когда общение дистанцировано во времени даже с позиций исторической перспективы; «вертикальная» трансляция).

Следовательно, культура может рассматриваться и как «надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых» (выделено мною. – В.К.) и может пониматься как *пространство некоторой общей памяти*, т. е. такое пространство, в пределах которого могут сохраняться, актуализироваться и в определенном смысле воспроизводиться общие тексты, общие феномены, общие смыслы [10]. Эти идеи Ю.М. Лотмана определенным образом, на мой взгляд, соотносятся с понятием *ОБРАЗА МИРА*, предложенным и разработанным А.Н. Леонтьевым (см., напр., [6]). Напомню, что для А.Н. Леонтьева образ мира как универсальная форма организации знаний индивида есть интегративное отражение в сознании окружающей действительности, важнейшими свойствами которого являются амодальность и многомерность, поскольку «в образ, картину мира входит не изображение, а изображенное (изображенность, отраженность открывает только рефлексия, и это важно!)» [6]. Ср. с пониманием картины мира у М. Хайдеггера: «Картина мира, сущностно понятая, означает, таким образом, не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина. Сущее в целом берется теперь так, что оно только тогда становится сущим, когда поставлено представляющим и устанавливающим его человеком. Где дело доходит до картины мира, там выносятся кардинальное решение относительно сущего в целом. Бытие сущего ищут и находят в представленности сущего» [13]. Помимо этого для образа мира свойственны субъективность, поскольку он складывается в процессе накопления прижизненного опыта, и в то же время объективность, поскольку соотносимость индивидуальных деятельностей в единой культурной среде обуславливает появление *общих компонентов сознания*. Кроме того, объективность образа мира достигается тем, что *познание* человеком действительности опосредовано *единой для всех* представителей сообщества, усваиваемой в процессе социализации *системой значений*. См.: «Ведь в отличие от бытия общества, бытие индивида не является “самоговорящим”, т. е. индивид не имеет собственного языка, вырабатываемых им самим значений; осознание им явлений действительности может происходить только посредством усваиваемых им извне “готовых” значений – знаний, понятий, взглядов, которые он получает в общении, в тех или иных формах индивидуальной и массовой коммуникации. Это и создает возможность внесения в его сознание, навязывания ему искаженных или фантастических представлений и идей, в том числе таких, которые не имеют никакой почвы в его реальном, практическом жизненном опыте» [5].

В нашей повседневной практике культура скорее «иррациональна», нежели «рациональна». Вместе с тем в случае необходимости мы можем отрефлексировать это «пространство общей памяти», эту совокупность представлений, иначе говоря – культуру. Правда, это всегда требует определенных усилий.

Формируясь в нас в процессе социализации, культура формирует нас как личность. Она пронизывает все наше бытие, но при этом зачастую не замечается нами, как не замечается нами воздух, которым мы дышим. Но как только меняется состав воздуха, мы тут же фокусируем на этом внимание и пытаемся понять причины изменений. Так же и с культурой, которая ощутимо проявляется и становится заметной для нас в том случае, когда мы сталкиваемся с иным, другим, чужим и – тем более – чуждым. Думается, что частично это связано с тем, что культура, по Ю.М. Лотману [9], имеет, помимо коммуникативной, еще и символическую природу. Последняя же обуславливается тем, что за зна-

ками, которыми обмениваются личности в процессе общения, всегда стоят смыслы, открытые для своих и закрытые для других (культуроносные смыслы языковых единиц, ритуалов, артефактов и под.).

Следовательно, мы имеем две важнейшие *ФУНКЦИИ КУЛЬТУРЫ*: *КОНГЛОМЕРИРУЮЩУЮ* (объединяющую «своих») и *ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩУЮ* (отграничивающую «своих» от «иных – других – чужих»). Эти две основополагающие функции культуры, как правило, и находятся в фокусе внимания, когда речь идет о межкультурной коммуникации.

Далее, культура задает нам определенную систему ценностей, оценок, ценностных установок и под., в том числе «поставляет» нам санкционированные сообществом паттерны поведения (что делать допустимо / недопустимо, возможно / невозможно, желательно / нежелательно, обязательно / необязательно; что достойно / недостойно и т. д.). И в этом проявляется еще одна, не менее важная функция культуры – *ЛЕГИТИМИРУЮЩАЯ* («узаконивающая», придающая феномену статус признанного / принятого / достойного, оправдывающая и утверждающая его необходимость). Например, в большинстве культур порицается, т. е. считается недопустимым, недостойным, непочтительное отношение к старшим, а уважительное отношение к женщине приветствуется, т. е. оценивается как желательное / обязательное и, следовательно, достойное, хотя проявляться и то, и другое может по-разному. Другой пример: в одних культурах допустимым, желательным или даже обязательным и тем самым вполне достойным может считаться открытое выражение своих эмоций (см. в русской культуре – *безжизненное выражение лица, лицо [как] окаменело* и под.), а в других – их демонстрация оценивается как недопустимое и недостойное поведение (напр., в японской культуре). Иначе говоря, культура обеспечивает нас, с одной стороны, системой эталонов (аксиологическая ипостась легитимирующей функции) и совокупностью паттернов – с другой (регулятивная ипостась легитимирующей функции культуры).

Из данных функций естественным образом вытекает еще одна – *ИДЕНТИФИЦИРУЮЩАЯ* (зд.: устанавливающая принадлежность кого-либо или чего-либо данному сообществу; например, либо «я / ты свой, это наше», либо «я / ты иной / другой / чужой, это не наше»). Благодаря данной функции возможна культурная идентификация и самоидентификация личности, а также культурная идентификация того или иного феномена (в самом широком смысле: от предмета до события). Под *КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИЕЙ ЛИЧНОСТИ* в данном случае имеется в виду «*опознавание*» личности как представителя некоего сообщества. При этом возможно либо определение места личности на шкале «свой – чужой», либо приписывание личности той или иной культурной принадлежности. При этом крайне важным оказывается целый ряд факторов (от паттернов поведения до ценностных установок личности), среди которых далеко не последнее место занимает язык (вспомним Э. Сепира: «он говорит, как мы, значит, он наш» [11: 232]). *КУЛЬТУРНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ* понимается как *определение личностью своей принадлежности тому или иному сообществу*. Следует отметить, что культурная идентификация и культурная самоидентификация могут как совпадать, так и не совпадать. *КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ФЕНОМЕНА* может рассматриваться как *определение принадлежности конкретного феномена той или иной культуре, некоторому сообществу, в том числе возможно и расположение данного феномена на шкале «свой – чужой»* (например: «это абсолютно нерусское поведение», «это абсолютно русский роман, хотя написал его француз»).

Список *ФУНКЦИЙ КУЛЬТУРЫ*, конечно же, не исчерпывается указанными функциями, но в данном случае для нас оказываются принципиально важными именно они: *КОНГЛОМЕРАЦИЯ, ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ, ИДЕНТИФИКАЦИЯ, ЛЕГИТИМАЦИЯ*.

Таким образом, культура – это то, что творит нас и творимо нами, то, что постоянно воспроизводится человеком и в человеке, то, что постоянно и изменчиво, то, что не-

осознаваемо и в то же время рефлексивно, то, что, выполняя определенные функции, лежит в основе культурной идентификации и самоидентификации личности или феномена.

Далее, культура отражает в искусстве, символах, ритуалах, а также в языке и в формах организации жизни различные формы мышления и духовную деятельность как отдельных личностей, так и социальных групп. И тем самым она формирует универсальное поле взаимодействия образа мышления, практики и социальных институтов. При таком подходе культура предстает как коллективная / социальная, или *КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ* (по Ю.М. Лотману и Я. Ассману), которая рассматривается не как статический объект, но как динамичная повторяющаяся практика, как форма трансляции и актуализации культурных смыслов, протяженная во времени (формируется веками), которая воспроизводится и заучивается последующими поколениями [1: 20-25, 54-55, 58-59 и др.]. Для того чтобы культура являла себя как *пространство общей памяти* (Ю.М. Лотман), необходимо наличие некоторого *смыслового инварианта*, что позволяет тексту / феномену / смыслу в контексте новой эпохи, несмотря на возможную вариативность истолкований, сохранять идентичность самому себе. Существование общей, коллективной памяти обуславливается, по Ю.М. Лотману, рядом факторов: должны быть некоторые *константные тексты* и должны быть *единые коды* (или их инвариантность, или их непрерывность и закономерный характер их трансформации) [10]. Но при этом, конечно, следует обязательно сделать оговорку, что культурная память не только едина, но и внутренне разнообразна, ибо предполагает наличие «диалектов памяти» и «локальных семантик» различных социумов, которые входят в данное (национально-)лингво-культурное сообщество. Однако в целом это не должно разрушать принципиальное единство культуры, иначе нельзя будет говорить о единой коллективной / общей / культурной памяти, а значит, и о единой культуре.

В связи с обсуждаемыми проблемами зададимся вопросами: всегда ли мы понимаем тексты (в широком смысле: от художественной литературы и публицистики до, скажем, произведений изобразительного искусства), созданные в XIX и даже в XX веке? Всегда ли человек начала XXI века, особенно родившийся в постсоветскую эпоху, легко понимает книги / фильмы, написанные / снятые во второй половине века XX, например, в последние годы советской власти и даже в эпоху перестройки? Всегда ли люди, родившиеся и живущие в одно время, но имеющие разные (подчас принципиально различные) интересы, ведущие разные образы жизни, имеющие отличающиеся ценностные установки, придерживающиеся различных идеологий, – всегда ли такие люди легко находят общий язык и понимают друг друга? В общем и целом мы, конечно, не можем в данном случае говорить о полном непонимании, но то, что определенные сложности есть, с этим едва ли кто-либо будет спорить. Трудности в понимании в таких случаях будут обусловлены, вероятно, следующими факторами: 1) отсутствие единого набора «текстов» (в широком смысле), которые Ю.М. Лотман называл «константными», т. е. такими, которые воспроизводятся, которые актуализируются и к которым возобновляются апелляции в коммуникации; 2) отсутствие единой системы оценок даже тех «текстов», которые являются общими; 3) отсутствие единой для всех инвариантности кодов и нарушение их непрерывности (разница в лексических средствах, отличия в значениях и смыслах, стоящих за некоторыми языковыми единицами, различия в речевом и – шире – коммуникативном поведении); 4) наличие «локальных семантик» и «диалектов памяти», которые значительно разнятся между собой. Так, например, 1) романы «*Как закалялась сталь*» Н. Островского и «*Что делать?*» Н. Чернышевского перестали быть «константными»; имена *Стаханов*, *Матросов*, *Космодемьянская* уходят вслед за советской эпохой; 2) образы *Чичикова* из «Мертвых душ» или *Лопатина* из «Вишневого сада» получают иные оценки; 3) современный человек уже с трудом объяснит разницу в статусах, напр., «*политического обозревателя*» и

«политического комментатора», но если представитель старшего поколения все-таки еще может постараться это сделать, то молодой человек едва ли справится с этой задачей, поскольку не знает, а не просто не помнит; многие советские анекдоты, построенные на игре слов, многие каламбуры тех времен оказываются сегодня «закрытыми» для современных носителей русского языка; 4) ср. миры «чайников» и «лузеров», с одной стороны, и «продвинутых юзеров» – с другой; или «воображаемые миры», в которых живут сторонники и противники распада СССР и которые содержат принципиально разные оценки события 1991 года. Хотя следует отметить, что последнее явление существовало и раньше: далеко не всегда совпадали официальная пропаганда и реальные оценки и настроения (напр., *Павлик Морозов*).

Исходя из сказанного, можно утверждать, что *ФУНКЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ* принципиально совпадают с функциями культуры (что не должно удивлять в силу их максимального сближения в рамках рассматриваемого подхода): это *КОНГЛОМЕРАЦИЯ, ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ, ИДЕНТИФИКАЦИЯ, ЛЕГИТИМАЦИЯ*.

Что касается *ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ*, то она понимается как *культура воплощенная и закрепленная в знаках языка, явленная нам в языке и через язык*. Лингвокультура является *лингво-когнитивным* феноменом (в этом ее принципиальное отличие от языковой картины мира, представляющей как сложно устроенное семантическое пространство, т. е. как феномен лингвистический). Лингвокультура (в отличие от языковой картины мира) формируется не знаками языка, за которыми стоят некоторые смыслы, но *образами сознания*, облеченными в *языковые знаки*. Следовательно, изучение лингвокультуры необходимо требует выработки иных, новых методов исследований, методов интегративного характера, соответствующих комплексной (как минимум – лингвокогнитивной) природе анализируемых феноменов. «Семантика» лингвокультуры – это *культурноносные смыслы, овнешненные в знаках языка*. Можно ли сказать, что лингвокультура «равна» образу мира или языковому сознанию? (Если так, то нет смысла вводить данный термин и обосновывать данное понятие.) Думается, что нет. И дело здесь в первую очередь в том, что языковое сознание включает в себя опосредованный значениями (индивидуальный) образ мира во всем его объеме, а лингвокультура – *только общие компоненты образа мира*, т. е. то, что формирует «объективную составляющую» такового, а это, как известно, всегда культурно маркировано и культурозависимо, поскольку обуславливается единой системой значений и предопределяется окружением, в котором «складывается» образ мира как таковой, а именно: культурой. Следовательно, лингвокультура может мыслиться и как основная среда, в которой человек формируется и проявляет себя как личность.

Как известно, основным содержанием процесса социализации является межпоколенная трансляция культуры, при этом социализация происходит всегда в коммуникации, а коммуникация осуществляется всегда на некотором языке в условиях некоторой культуры. Основным, хотя и не единственным, каналом социализации по праву считается язык. Не требует доказательств и тезис о том, что язык и культура связаны отношениями двуправленной зависимости. В свете сказанного думается, что есть некое «пространство общей памяти», закрепленной именно в знаках языка и опосредованной языковыми значениями, т. е. некоторое пространство, где пересекаются / накладываются друг на друга язык и культура, где *культурные смыслы явлены нам только в знаках языка, а знаки языка выступают*, как писала В.Н. Телия, *только как тела для знаков языка культуры*. Это «пространство» и есть лингвокультура, претендующая, как представляется, на статус третьей самостоятельной системы (наряду с языком и культурой). Возвращаясь к идее В. фон Гумбольдта о «сплетении» человеком языка внутри себя и «вплетении» себя в язык, которую мы уже экстраполировали на культуру, теперь представляется вполне правомерным включить в указанные акты «сплетения» и «вплетения»

еще и лингвокультуру. А это значит, что за любым проявлением жизнедеятельности человека стоит сложное триединство: «язык – лингвокультура – культура».

При предложенном понимании лингвокультуры совершенно очевидно, что она выполняет те же *ФУНКЦИИ*, что и собственно культура, и культурная память: *КОНГЛОМЕРИРУЮЩУЮ, ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩУЮ, ЛЕГИТИМИРУЮЩУЮ* и *ИДЕНТИФИЦИРУЮЩУЮ*.

В основе культурной идентификации и самоидентификации лежат разные феномены, и какие из них окажутся в фокусе внимания исследователя, будет зависеть от того, с каких позиций будет вестись конкретный анализ. При этом все рассмотренные функции культуры, культурной памяти и лингвокультуры будут играть решающую роль.

Если речь идет о *КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ФЕНОМЕНА* (предмета, события и под.), то он может рассматриваться сквозь призму *КУЛЬТУРЫ* (и/или *КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ*), и тогда в фокусе внимания оказываются принципиально важные с позиций данной культуры его (феномена) свойства, признаки, качества и под., которые оцениваются с точки зрения их соответствия или несоответствия бытующим в данной культуре представлениям о должных / наличных свойствах, признаках, качествах и под. феноменов данного типа. Однако феномен может рассматриваться и сквозь призму *ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ*, и в этом случае в первую очередь оценивается то, выполняет ли данный феномен функцию эталона или символа, т. е. является ли он по сути своей единицей лингвокультуры (подробнее см. [2, 3, 4]).

Если рассматривать *КУЛЬТУРНУЮ ИДЕНТИФИКАЦИЮ И САМОИДЕНТИФИКАЦИЮ ЛИЧНОСТИ*, то это можно делать сквозь призму либо самого *НОМО LOQUENS*, либо (опять же) *КУЛЬТУРЫ, КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ* и *ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ*. Рассмотрение с позиций *Ното Loquens* предполагает выявление культурной идентичности на основе (в том числе, а может быть, и в первую очередь) идентичности лингвокультурной. Последняя же самым непосредственным образом связана с *культурно-языковой компетенцией* личности (по В.Н. Телия [12]), т. е. с умением *кодировать в знаках языка и декодировать культуроносные смыслы*, с умением видеть за знаками языка единицы языка культуры и лингвокультуры.

Если же подходить к *КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ* с точки зрения *КУЛЬТУРЫ, КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ* и *ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ*, то здесь мы тоже должны иметь в виду культурную и лингвокультурную идентичность, но на несколько ином уровне – на уровне владения единицами культуры и владения словарем и грамматикой лингвокультуры, с обязательным учетом функций, которые выполняют как отдельные единицы культуры и лингвокультуры (подробнее см. [2, 3, 4]), так и культура и лингвокультура в целом. Вероятно, для филолога определяющую роль играют все-таки именно словарь и грамматика лингвокультуры.

При этом *СЛОВАРЬ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ* есть *языковленные культурные смыслы и образы*. И словарь как *совокупность единиц* обуславливает возможность и необходимость создания *словаря лингвокультуры как систематического описания* таковых, что предполагает выявление реестра и лексикографирование, как минимум, основных единиц всех подсистем лингвокультуры. Лексикографирование же единиц лингвокультуры предполагает *инвентаризацию языковых единиц, обладающих культуроносной информацией*.

ГРАММАТИКА ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ есть *таксоны (базовые классы единиц), их категории, система, структура, отношения и функционирование*. Грамматика как «наука о...» *требует выявления, описания, структурирования и систематизации основных категорий, классов, видов и типов единиц, их структуры, отношений между ними (включая структуру данных отношений), а также правил их функционирования*.

Таким образом, культура, культурная память и лингвокультура выполняют общие функции: конгломерирующую, дифференцирующую, идентифицирующую и легитимирующую – и лежат в основе культурной идентификации (как личности, так и любого феномена) и самоидентификации личности.

Л и т е р а т у р а

1. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.
2. *Красных В.В.* Грамматика лингвокультуры: система координат (постановка проблемы) // Язык – культура – человек: Сборник научных статей к юбилею заслуженного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова М.В. Всеволодовой / Ред.кол.: Ремнева М.Л. и др. М.: МАКС Пресс, 2008-а. – С. 204-214.
3. *Красных В.В.* Грамматика лингвокультуры: система координат, система таксонов, система ментефактов // Русский язык и культура в формировании единого социокультурного пространства России. Материалы I Конгресса Российского общества преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург, 14-18 октября 2008 г. / Под ред. Т.И. Поповой и Е.Е. Юркова. В двух частях. Т. II. СПб.: Издательский дом «МИРС», 2008-б. С. 333-344.
4. *Красных В.В.* Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) // *Respectus philologicus*. 2005. № 7 (12). С.10-24.
5. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. (Электронный ресурс.)
6. *Леонтьев А.Н.* Образ мира // Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. С. 251-261. (Электронный ресурс.)
7. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. Изд. 3-е. М., 1972.
8. *Леонтьев А.Н.* Человек и культура. М., 1961.
9. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. СПб., 1994.
10. *Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. – Таллинн, 1992. (Электронный ресурс.)
11. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
12. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
13. *Хайдеггер М.* Время картины мира. (Электронный ресурс.)

Culture, Cultural Memory and Linguo-Culture: Their Main Functions and Role in Cultural Identification

Victoria Krasnykh

Lomonosov Moscow State University

Faculty of Philology

Key words: *conglomeration, differentiation, identification, legitimating, cultural (self)identification*

Summary

The phenomena of culture, cultural memory and linguo-culture and their main functions (conglomeration, differentiation, identification, legitimating) are in focus of the article. The role of the given functions in the processes of cultural identification (of a person or any phenomenon) and self-identification is analysed. Possible aspects of cultural identification and self-identification studies are concisely propounded.

Сведения об авторе: Красных Виктория Владимировна, д.ф.н., профессор филологического факультета МГУ.

E-mail: victoryvk@gmail.com